

Русская мысль - Париж - 1995 -
16 нояб. - с. 12.
«С чувством жалости и печали...»

О мемуарах Д.С.Лихачева

Век исторический не всегда совпадает с календарным. Последнее российское столетие оказалось короче стандартного срока: начавшись несколькими годами позднее положенного, оно и завершилось раньше, в 90-е годы. Но событий ему было отмерено полная доля, и лучшее тому свидетельство — почти не поддающееся учету число мемуаров о прожитом веке, появившихся в наши дни.

К этому числу добавляются все новые и новые воспоминания: людей и достаточно известных, и ничем особо не примечательных. С миру по нитке — собираем историю ушедшего российского столетия. Когда-нибудь она будет изучена и оценена. Мы же живем слишком близко к прошедшей эпохе, чтобы судить о ней достаточно вкосо. Впрочем, какие-то оценки достопны и нам.

Прошедшая эпоха — эпоха небывалого в России принижения человека.

свой рассказ как подробное восстановление картины советских лет: 20-е годы... соловецкий лагерь...

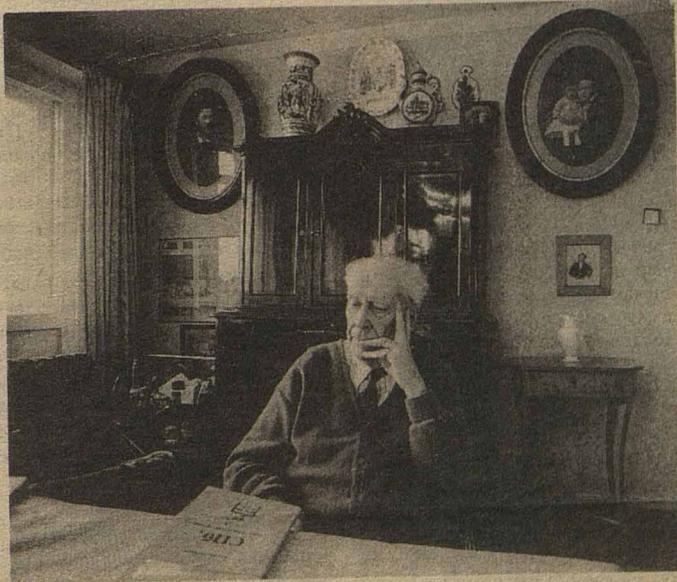
«Жизнь на Соловках была настолько фантастична, что терялось ощущение ее реальности» (стр.170).

Послелагерные мытарства. Исковерканные судьбы.

«...настоящее оскудение мысли началось уже после лагерей... Кто умер, кто опустился. Все жили в одиночку, боялись говорить и даже думать...» (стр.198).

Блокада, «политтеррор» — и так до конца советских времен доводит Лихачев свое печальное повествование «о времени» ненормальной человеческой жизни, о времени унижений и потерь.

«И с этим чувством жалости и печали я стал заниматься в университете с 1923 г. древней русской литературой и древнерусским искусством. Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят

Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Принижения вплоть до полного встраивания в общий механизм, вплоть до уничтожения: как самого человека (голод, лагерь, казни), так и его духовного «я», зримых и незримых связей с миром, с другими людьми, уничтожения укорененности человека в бытии своего народа (история, культура). И не напрасно мемуарная литература об этой эпохе, словно выполняя незримое поручение, решительно выбирает девизом из расхожей формулы «о времени и о себе» первую ее часть. Сведений «о себе» в этой литературе — минимум. Культура, поручившая своим работникам задачу вспоминать, словно бы уравновешивает порывы отдельных исполнителей, желающих зачастую написать «о себе» больше, чем требуется.

Книга Д.С.Лихачева «Воспоминания» относится к лучшим образцам нынешней мемуарной литературы. Всемирно известный ученый, специалист по древней русской литературе, перевоплощаясь в мемуариста, становится эхом минувшего времени, эхом происходившего, эхом людей, встреченных на короткий, долгий ли срок и оставшихся в памяти; людей, которым не довелось самим заявить о себе... Хотя бы на мгновение оживут они для того, кто будет читать эту книгу, ибо страницы «Воспоминаний» предоставлены им: «Я прежде всего пишу о людях...»

Кратко коснувшись истоков рода Лихачевых, мемуарист продолжает

удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети, собрать ее изображения, показать их друзьям, рассказать о величии ее мученической жизни. Мои книги — это, в сущности, поминальные записочки, которые подают «за упокой»: всех не упомянешь, когда пишешь их, — записываешь наиболее дорогие мысли, и такие находились для меня именно в Древней Руси» (стр.119).

Написано просто и благородно, со спокойным знанием своего долга. Такова и вся книга. И, несмотря на задание — написать сказ о горестных временах, — после прочтения «Воспоминаний» остается ощущение тишины и покоя. Как в любимых Лихачевым произведениях древнерусской литературы.

«Я понял следующее: каждый день — подарок Бога. Мне нужно жить настоящим днем, быть довольным тем, что я живу еще лишним днем. И быть благодарным за каждый день» (стр.198).

К сказанному выше следует еще добавить, что немалая часть книги («Приложение») отдана стихам Владимира Козецкого (В.Свешникова), неизвестного поэта, встреченного Д.С.Лихачевым в годы пребывания на Соловках. Это — как погашение части долга, добровольно взятого на себя Лихачевым-мемуаристом. Ибо — «...когда подумаешь о том, сколько же хороших, душевно богатых людей не оставило о себе никакой памяти, становится страшно».